

Научная статья

УДК 316.2

doi: 10.17223/1998863X/85/25

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ЛАБИРИНТЫ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА

Анна Владимировна Сахарова

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Институт социологии, Москва, Россия, Hanna.lazareva@gmail.com*

Аннотация. Исследование города неизбежно сталкивается с проблемой множественности методологических подходов. Физическое пространство, социальные взаимодействия, дискурсивные практики и цифровая среда формируют сложную систему, которую сложно описать единым методом. Дискурсивная урбанистика предлагает рассматривать город через систему пересекающихся смыслов, но требует четкой концептуализации и методологии. В статье анализируется возможность трансструктурного подхода, объединяющего различные модусы описания города, с акцентом на его когнитивные и дискурсивные аспекты.

Ключевые слова: дискурсивная урбанистика, городские дискурсы, трансструктурность, город как текст

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

Для цитирования: Сахарова А.В. Зеркальные лабиринты: к методологии исследования города // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 279–286. doi: 10.17223/1998863X/85/25

Original article

MIRROR LABYRINTHS: TOWARDS A METHODOLOGY FOR URBAN EXPLORATION

Anna V. Sakharova

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Hanna.lazareva@gmail.com*

Abstract. The study of the city as a complex, multi-layered phenomenon requires an interdisciplinary approach that takes into account the various modes of its existence: spatial, social, discursive and virtual. Discursive urbanism suggests considering a city as a system of overlapping discourses created by its inhabitants, political and cultural actors. However, the existing methodology needs to be clarified: it is important not only to determine which aspects of the urban environment are amenable to discursive analysis, but also to develop tools for their study, allowing them to link the discursive, social and physical dimensions of the city. The example of the revitalization of protected areas in Nizhny Novgorod shows that discursive changes can precede social and spatial transformations, forming a new urban identity. This confirms the importance of discourse analysis in urban studies, but also points to the need for further development of a transstructural method capable of integrating various approaches to the study of the urban environment.

Keywords: discursive urban studies, urban discourses, transstructurality, city as text

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Sakharova, A.V. (2025) Mirror labyrinths: towards a methodology for urban exploration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 279–286. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/25

Когда объектом исследования являются сложные многокомпонентные явления, такие как *город*, мы неизбежно сталкиваемся с недостаточностью методологического аппарата для их описания. Одни аспекты описываются при помощи методологического аппарата социологии, другие – архитектурного проектирования, третьи – лингвистики. Изучение таких объектов напоминает зеркальный лабиринт, где мы видим множество отражений с множеством различных ракурсов, которые не складываются в единую трехмерную модель, но каждое из которых все же отражает объект – тот или иной его аспект. Как в зеркальном лабиринте любого из отражений окажется недостаточно для целостной картины, так и сложные явления не сводятся к любой из дисциплинарных интерпретаций. Вопрос описания такого объекта, как город, состоит как в выборе дисциплинарных подходов и методологий исследования, так и в обосновании их трансдисциплинарной связности, «сшивании» полученных результатов в интегрированную, пусть и множественную картину. Причем кажется, что различные методологии при таком подходе могут быть неравноценны: иными словами, одна из методологий может занимать лидирующее положение, быть точкой отсчета, от которой исследователь отталкивается при описании явления.

Этот тезис иллюстрирует проблему поиска и «сборки» метода изучения городской среды, поставленную И.А. Савченко в статье «Дискурсивная урбанистика: поиск метода». Дискурсивный подход выступает как стартовая «точка сборки» трансструктурного – мультидисциплинарного – исследования города. В этом подходе город не воспринимается исключительно как физическое пространство, а осмысливается как сложная сеть взаимодействий, в которой различные группы людей создают, транслируют и трансформируют смыслы. Город рассматривается как система пересекающихся дискурсивных слоев, создающих сложные композиции, моделирующие его гетерогенную структуру. Дискурсивные поля города пересекаются, создавая точки напряжения – именно их анализ с помощью трансструктурного подхода позволяет выявлять направления будущих изменений и прогнозировать развитие городской среды.

Однако, на наш взгляд, в исходной для дискуссии статье «Дискурсивная урбанистика: поиск метода» с необходимой ясностью не представлено описание того, что понимается под дискурсивной урбанистикой и в чем именно заключается трансструктурный метод, какие приемы и подходы он предполагает и каким образом он может быть применен к описанию городских явлений. Конечно, сложность и многоаспектность города объясняют некоторую размытость методологии его описания. Тем не менее хотелось бы более четко сформулировать, какие именно аспекты города могут рассматриваться дискурсивно, более детально концептуализировать, каким образом мы разграничиваем различные городские дискурсы и как мы их анализируем.

В настоящей работе хотелось бы обратиться к концептуализации этого вопроса и, развивая мысль автора исходной статьи, предложить более четкую картину понятия дискурсивной урбанистики, ее когнитивных оснований и возможных методов исследования города как дискурсивного феномена. Полное описание трансдисциплинарной методологии в понимании города как дискурсивного объекта – это серьезный вопрос, требующий гораздо большего объема, чем небольшая статья в рамках дискуссии. Однако мы можем предложить начать с обсуждения когнитивных истоков возможности такого описания и рабочих подходов к определению дискурса в контексте города.

Когнитивные основания исследования города

Существование и функционирование городов могут быть рассмотрены исходя из различных модусов. Первый из них – пространственный, ориентированный на географическую инвариантность города, описывает в первую очередь физическое пространство [1, 2]. Такой модус восприятия города формирует концептуальную базу для практики проектирования городской среды (см., например, [3, 4]).

Между тем когнитивные основания этого подхода не проговариваются в рамках исследования и проектирования пространственной среды. При этом даже на базовом уровне физическое пространство города и его восприятие не тождественны. В нашем сознании мы строим своеобразную карту города, моделируя пространство и интериоризируя свои визуальные впечатления (см. работы в области когнитивной психологии, например, исследования «когнитивных карт» Э.Ч. Толмена [5] или теорию «ориентировочных схем» У. Найссера [6]). Эксперименты Толмена, выполненные на лабораторных животных, оказали значительное влияние на понимание процессов пространственного ориентирования у человека. Найссер ввел понятие «ориентировочных схем», которые представляют собой ментальные структуры, напоминающие карту местности, а не ее фотографию [6. С. 129]. Найссер показал, что при анализе социальных, дискурсивных и других нефизических пространств города мы отталкиваемся именно от этих схем, а не от визуального образа пространства.

Физическое пространство города, основанное на наших представлениях о нем, на нашем восприятии, предстает нам неравномерным, негомогенным. В этом пространстве существуют разрывы, усложняющие транспортную или пешую доступность отдельных районов города. Например, Москва представляется относительно связным городом: большинство объектов доступно на общественном транспорте, от которого чаще всего комфортно дойти в любую точку пешком. Дубай же, напротив, имеет множество пространственных разрывов, исключая возможность комфортного пешеходного передвижения даже на небольшие расстояния.

Второй модус описания города – социологический – рассматривает город как сеть акторов и их отношений [7, 8]. Этот модус восходит к работам М. Вебера [9] и основан на анализе города как системы социальных связей, которые становятся отправной точкой для его исследования. «Структура социального пространства проявляется, таким образом, в разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социаль-

ного пространства» [10]. Однако при определенном ракурсе анализа интуитивные представления о первичности физического пространства могут быть пересмотрены: социальное может подчинять себе физическое, формируя его через социальные практики. Город может быть рассмотрен, например, как конгломерат сообществ или же как система институциональных связей [11]. И в том и в другом случае через анализ социального актора и его коммуникативных характеристик мы уже можем перейти от социального к семиотическому (и его частному случаю – дискурсивному) подходу к городу. Дискурс в этом случае выступает инструментом социального, а иногда и физического преобразования среды.

Третий – семиотический (или знаковый) модус [12] – позволяет рассматривать город «как сложную многоуровневую систему с характерными текстами и кодами, принадлежащими разным языкам культуры» [13]. Здесь выделяется дискурсивный подход, трактующий город не только через физическое присутствие, но и через тексты, мифы, рассказы и политические высказывания, создающие его символическое измерение. Город в данном случае становится семиотической интерпретацией связей различных человеческих и нечеловеческих акторов [14].

Последний из модусов существования города – виртуальный (или цифровой). Он не только отражает различные социальные и семиотические отношения, но также привносит новое цифровое измерение в городскую среду.

Все эти модусы редко могут быть рассмотрены отдельно друг от друга: семиотическое переплетается с коммуникативным, пространственное – с социальным. Вспомним, в частности, тезис Р. Парка, что «социальные отношения часто и неизбежно коррелируют с пространственными отношениями, потому что физические расстояния настолько часто бывают или кажутся индексами социальных расстояний» [15. Р. 18]. Или тезис У. Эко о городе-тексте, в рамках которого функциональная составляющая города всегда оказывается совмещена со знаковой [16]. Эти связанные на когнитивных основаниях модусы могут быть проанализированы при помощи предлагаемого И.А. Савченко трансструктурного подхода. В случае дискурсивной урбанистики базовым для описания станет семиотический модус – в частности, его дискурсивный подтип.

Город как дискурсивный феномен

Понимание города как дискурсивного феномена позволяет объединить инструментарий описания различных модусов города: пространственного, социального, виртуального, семиотического. Вместе они могут помочь отразить многообразные взаимодействия, происходящие в городской среде, с учетом вклада каждого актора в общий городской метадискурс.

Наиболее абстрактное понимание дискурса связано с использованием языка как общественной практики, которая участвует в формировании социального мира [17. С. 12]. В лингвистическом смысле дискурсивная практика (в данном контексте мы, осознавая потенциальные различия терминов «дискурс» и «дискурсивная практика», все же используем их как синонимы) определяется как «тенденция в использовании близких по функции альтернативных языковых средств разных уровней для выражения определенного смысла» [18. С. 246]. Дискурсивные практики формируют определенные мо-

дели поведения, предопределяя способы взаимодействия людей в различных ситуациях. В последние два десятилетия в науке сложилась традиция выделения различных типов дискурсов в зависимости от социальных институтов и сообществ, которые они «обслуживают», с опорой на социальный модус города, описанный выше. Дискурсивные практики не просто отражают, но и конструируют социальную реальность. Они формируют речевое поведение индивида, побуждая его к определенным коммуникативным стратегиям. Таким образом, дискурсивная практика опосредует социальную практику через тексты, создавая уникальный лингвистический ландшафт города.

В связи с множественностью социальных сфер использования дискурсов универсальная их типология до сих пор остается предметом научных дискуссий. В.И. Карасик выделяет три основных подхода к классификации дискурсов: социолингвистический, прагмалингвистический, тематический [19. С. 348–353]. Социолингвистическая классификация дискурсов может проводиться по институциональному признаку и сводиться «к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [20. С. 190–191], а также с опорой на сферу деятельности городских сообществ (экоактивисты, паркурщики, урбанисты и пр.). К описанию дискурсов сообществ могут быть применены основные компоненты институционального дискурса: «цели, участники, хронотоп, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы» [11. С. 29].

Конечно, далеко не все типы дискурсов могут быть объяснены через институциональные рамки или рамки сообществ. Город представляет собой сложный дискурсивный конгломерат, включающий множество различных практик разного порядка. О. Иссерс в книге «Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени» приводит интересный пример появления новой неинституциональной дискурсивной практики – «текста на асфальте». В Омске во время предвыборной кампании мэра на поврежденном дорожном полотне появились надписи: «Выбоины мэра» (отсылка к созвучному «выборы мэра») [17. С. 38]. Неудовлетворенность граждан состоянием городской инфраструктуры породило новую форму городского дискурса. В данном случае социальный запрос инициировал новый канал коммуникации, который благодаря своей нетривиальности оказался эффективным средством воздействия на адресата. «Дорожно-тротуарный» формат коммуникации может и дальше использоваться в политическом и рекламном дискурсе, если не будет подвергнут законодательным ограничениям.

Заповедные кварталы: историческая среда, городские дискурсы, сообщество

Считается, что процесс ревитализации (восстановления) исторической среды на физическом уровне приводит к трансформациям как в социальном, так и в дискурсивном полях города. Однако эти процессы не всегда начинаются с «физического преобразования» – отправная точка возрождения архитектурного феномена может лежать в дискурсивном поле. Таков пример заповедных кварталов – объектов городского деревянного зодчества середины XIX – начала XX в., расположенных в квартале церкви Трех Святителей в Нижнем Новгороде. Первичным в процессе ревитализации был дискурсив-

ный модус: нарративы, создаваемые энтузиастами, стремящимися сохранить историческую идентичность района, распространились в социальных сетях и СМИ, повысили узнаваемость квартала и озвучили проблему сохранения исторического наследия. Затем развитие происходило в социальном модусе. Изменения начались во время выступления энтузиастов на фестивале «Том Соьер Фест», а после приобрели масштаб только после политического решения по преобразованию квартала (в работе участвовали группа городских активистов, федеральные эксперты, правительство Нижегородской области). И процесс собственно физического преобразования еще далеко не окончен. Таким образом, заповедные кварталы стали не только архитектурной локацией, но и ареной столкновения различных дискурсов: политического, культурного, экономического.

Выводы

Исследования города как сложного, многослойного явления требует междисциплинарного подхода, учитывающего различные модусы его существования: пространственный, социальный, дискурсивный и виртуальный. Дискурсивная урбанистика предлагает рассматривать город как систему пересекающихся дискурсов, создаваемых его жителями, политическими и культурными акторами. Однако важно не только определить, какие аспекты городской среды поддаются дискурсивному анализу, но и разработать инструменты их изучения, позволяющие связать дискурсивное, социальное и физическое измерения города.

Пример ревитализации заповедных кварталов в Нижнем Новгороде показывает, что дискурсивные изменения могут предшествовать социальным и пространственным трансформациям, формируя новую городскую идентичность. Это подтверждает значимость дискурсивного анализа в урбанистике, но также указывает на необходимость дальнейшего развития трансструктурного метода, способного интегрировать различные подходы к изучению городской среды.

Список источников

1. *Эллард К.* Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М. : Альпина Паблшер, 2022. 288 с.
2. *Jiang Bin, Huang Ju-Tzu.* A new approach to detecting and designing living structure of urban environments // *Computers, Environment and Urban Systems.* 2021. Vol. 88. 101646. doi: 10.1016/j.compenurbsys.2021.101646
3. *Гейл Я.* Города для людей. М. : Альпина Паблшер, 2012. 276 с.
4. *Gehl J., Svarre B.* How to Study Public Life. Island Press : Center for Resource Economics, 2013. doi: 10.5822/978-1-61091-525-0
5. *Толмен Э.* Когнитивная карта у крыс и человека // *Хрестоматия по истории психологии.* М. : Изд-во Мос. ун-та, 1980. С. 63–82.
6. *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 232 с.
7. *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2013. 414 с.
8. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
9. *Вебер М.* Город. М. : Юрайт, 2024. 158 с.
10. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практика. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.

11. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвузовский сб. науч. тр. Саратов : СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.
12. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М. : Новое лит. обозрение, 1992. 55 с.
13. Берестовская Д.С., Петренко А.П. Архитектурное пространство города: семиотический подход // Урбанистика. 2017. № 1. С. 24–34. doi: 10.7256/23108673.2017.1.22489
14. Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity // Actor-Network Theory and After / ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford : Blackwell and the Sociological Review, 1999. 10 p.
15. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The City. University of Chicago Press, 1992. 240 p.
16. Эко У. Отсутствующая структура. La struttura assente: введение в семиологию. М. : Корпус : АСТ, 2019. 698 с.
17. Иссерс О.С. Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 275 с.
18. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.
19. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 405 с.
20. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197.

References

1. Ellard, K. (2022) *Sreda obitaniya: Kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Habitat: How Architecture Affects our Behavior and well-being]. Moscow: Alpina Publisher.
2. Jiang Bin & Huang Ju-Tzu. (2021) A new approach to detecting and designing living structure of urban environments. *Computers, Environment and Urban Systems*. 88. 101646. DOI: 10.1016/j.compenurbsys.2021.101646
3. Gehl, J. (2012) *Goroda dlya lyudey* [Cities for People]. Moscow: Alpina Publisher.
4. Gehl, J. & Svarre, B. (2013) *How To Study Public Life*. Island Press: Center for Resource Economics. DOI: 10.5822/978-1-61091-525-0
5. Tolmen, E. (1980) Kognitivnaya karta u krysa i cheloveka [The Cognitive Map in Rats and Men]. In: *Khrestomatiya po istorii psikhologii* [Textbook on the History of Psychology]. Moscow: Moscow University Press. pp. 63–82.
6. Naisser, U. (1981) *Poznanie i real'nost'. Smysl i printsipy kognitivnoy psikhologii* [Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology]. Moscow: Progress.
7. Latour, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
8. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: HSE.
9. Weber, M. (2024) *Gorod* [The City]. Moscow: Yurayt.
10. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktika* [Espace Social: Champs et Pratiques]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletya.
11. Karasik, V.I. (2000) Struktura institutsional'nogo diskursa [The structure of institutional discourse]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov: Saratov Chernyshevsky State University. pp. 25–33.
12. Auger, M. (1992) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
13. Berestovskaya, D.S. & Petrenko, A.P. (2017) Arkhitekturnoe prostranstvo goroda: semioticheskiy podkhod [Architectural Space of the City: A Semiotic Approach]. *Urbanistika*. 1. pp. 24–34.
14. Law, J. (1999) After ANT: Topology, Naming and Complexity. In: Law, J. & Hassard, J. (eds) *Actor-Network Theory and After*. Oxford: Blackwell and the Sociological Review. pp. 44–56.
15. Park, R.E., Burgess, E.W. & McKenzie, R.D. (1992) *The City*. University of Chicago Press.
16. Eco, U. (2019) *Otsutstvuyushchaya struktura. La struttura assente: vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure: Introducción a la semiótica. Introduction to Semiotics]. Moscow: Korpus: AST.
17. Issers, O.S. (2012) *Lyudi govoryat: diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People Say: Discursive Practices of Our Time]. Omsk: Omsk State University.
18. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Editorial URSS.

19. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow: Gnosis.

20. Karasik, V.I. (1998) О kategoriyaх diskursa [On the categories of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* [Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects]. Volgograd; Saratov: Peremena. pp. 185–197.

Сведения об авторе:

Сахарова А.В. – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия). E-mail: Hanna.lazareva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sakharova A.V. – Cand. Sci. (Philology), researcher at the Dr. Sci. (Sociology), full professor, leading research fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: Hanna.lazareva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 30.06.2025*

*The article was submitted 20.04.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*